

Выставка как комментарий (а не исповедь)

16/01/2017

Делая выбор, Кайдо Оле до сих пор руководствуется желанием освободить сознание, память и взгляд от мусора и начать с чистого листа, хотя он и понимает, что на самом деле подобное невозможно.

Выставка Кайдо Оле «Nogank hoparniis» в Таллиннском доме искусства открыта до 5 февраля, куратор Аннели Порри, музыка Тармо Йоханнес.

Не пропустите: 20 января состоится экскурсия по выставке на русском языке.

Самая первая работа, которую Кайдо Оле представляет на своей персональной выставке в Таллиннском доме искусства, носит название «Liiklusmees» («Дорожный человек»). Небольшая по размеру, выполненная в технике, где присутствуют черты как живописи, так и ассамбляжа, она отличается от многих других выставленных работ. Вывешенная в гардеробе Дома искусства, она стоит во главе еще пяти работ того же формата и дает в некоторой степени ключ к пониманию выставки в целом или хотя бы части представленных картин.

Психологически мы по-другому воспринимаем находящиеся в гардеробе предметы искусства. Складывается чувство, будто они не вошли в основную экспозицию. Поэтому лично я увидела «Дорожного человека» лишь в самом конце своего посещения выставки. Первая или последняя — оба места расположения символичны, поэтому я предположила, что здесь зашифровано послание.

«Дорожный человек» состоит из трех частей: его фигура смонтирована из красного, оранжевого и зеленого готовых объектов (*ready made*). Мы имеем дело со светофором, регулирующим движение. Со стражем порядка, чьей работой посредством компьютера управляет центральная система. Так что это скорее не человек, а машина, согласно указаниям которой должны вести себя люди. Кто не следует предписаниям дорожного человека, получает наказание или штраф.

«Дорожный человек» задает цветовой код и направление выставки. Красный — опасность и табу, нужно остановиться. Оранжевый или желтый — короткий режим ожидания. Зеленый — можно идти свободно.

Принимая во внимание ориентиры от «Дорожного человека», я снова поднялась на верхний этаж и поняла, что во многих картинах присутствует именно этот цветовой код.

КРАСНЫЙ, ОРАНЖЕВЫЙ И ЗЕЛЕНый

В выставочном зале первой попадает на глаза выполненная в смешанной технике работа «Valikute trummel» (*прим. переводчика: один из возможных вариантов перевода может быть «Крутите барабан»*), на которой художник изобразил себя в полный рост, одетого в домашнюю одежду, на фоне разделенного на цветные секторы барабана. Взгляд его направлен в сторону зеленого цвета, многообещающего, и картина в чем-то похожа на написанного Леонардо да Винчи примерно в 1490 году Витрувианского человека, венец природы. Секторы барабана расположены в следующем порядке: зеленый, желтый/оранжевый и красный.

Да и по другим признакам художник дает понять, что контроль над своей фигурой он передает другим — зрителям. К выполненной из стали раме подключен пульт управления с зеленой, оранжевой, желтой и

красной кнопками, на которые можно нажимать. Ничего при нажатии не происходит, картина не начинает вращаться, однако такая возможность обозначена.

Теперь я начинаю видеть кодовые цвета и в других работах. На картине «Kunstinäitusel» (2016) («На художественной выставке») изображенный в розовых тонах (розовый — это вариация на тему оранжевого) мужчина-пенис олицетворяет собой деятеля, который не знает, к какой стороне примкнуть. Подсознательно его тянет в сторону красного (опасности и табу). А зеленое (безопасное) мы видим за его спиной. На картине «Jalutuskäik järve äärde» (2015) («Прогулка к озеру») мы на зеленом фоне видим с женщиной с красными волосами, губами и одеждой (контрастные цвета!), ее требовательно обнаженные зубы обращены в сторону написанного в более сдержанных тонах персонажу (мужчине?).

Однако рассматривать эту выставку исключительно через призму заданного светофором цветового кода было бы слишком просто и значило бы недооценивать художника.

На картинах «Jaht» (2016) («Охота») и «Avastamas abstraktse ekspressionismi džungleid» (2015) («Открывая джунгли абстрактного экспрессионизма») много зеленого, обозначающего природу. Однако этот зеленый не позволяет расслабиться, это камуфляж, где на месте зеленого на самом-то деле должен быть красный (опасность). В пышном зеленом кусте подстерегают пара глаз и ствол ружья; среди гигантских деревьев леса абстрактного экспрессионизма витают невидимые опасности, которым сложно дать определение.

КАРТИНЫ КОММЕНТИРУЮТ

Глядя на красочные картины, складывается ощущение, что их действие происходит в контролируемой невидимыми силами и машинами среде в настоящем времени. Порой художник наблюдает за всем со стороны, а иногда он принимает участие, но не в качестве активного субъекта, а скорее в качестве объекта, также подчиненного неизвестным силам.

Плоские изображения на картинах отсылают нас к модернистам 20-го века. Однако так как здесь также присутствует повествование или нарратив, данные работы означают выход модернистского искусства на новый, более высокий, уровень.

Так как многие работы не претендуют на то, чтобы передавать внутренний мир художника, отличаясь тем самым от исповедального искусства, они служат скорее зеркалом или комментарием к происходящему. Картины изображают материализм нынешнего, базирующегося на машинах мира, где отсутствует душа. На это намекает и риторика Кайдо Оле в каталоге выставки: художник утверждает, что он «делает искусство». «Делать искусство» принципиально отличается от «создания искусства», которое отсылает к творчеству. «Делать» и «создавать» представляют два скорее противоположных подхода к искусству, у обоих за спиной полярные философские школы.

Смех — остров свободы, который, кажется, выживает даже в детерминированной со стороны внешних сил материалистической среде. Смеяться способен человек, не машина. Так что смех Кайдо Оле — это послание свободы, подобно стратегии нескольких эстонских художников 90-х (поколение Оле), чье творчество сейчас часто анализируется, когда смех означает позицию победителя.

«NOGANK HOPARNIIS»

Название выставки выбрано таким образом, чтобы не вызывать никаких ассоциаций, значений, мыслей. Словно возвращение к нулевой точке отсчета. Эту стратегию Кайдо Оле использует с молодых лет. В то время в искусстве предпочитали цитаты и ссылки, и подход Оле выделялся тем, что был диаметрально

противоположным. Делая выбор, Кайдо Оле до сих пор руководствуется желанием освободить сознание, память и взгляд от мусора и начать с чистого листа, хотя он и понимает, что на самом деле подобное невозможно.

Однако в этом Кайдо Оле смог убедить как публику, так и критиков. Стоя перед «Valikute trummel», я подумала о том, почему эта работа кажется мне такой близкой или знакомой. В голове всплыл образ выставки KUMU «Между архивом и архитектурой», для которой Неэме Кюльм построил проходящую сквозь несколько залов конструкцию, чтобы зритель смог покрутить вокруг оси одну маленькую фотографию.

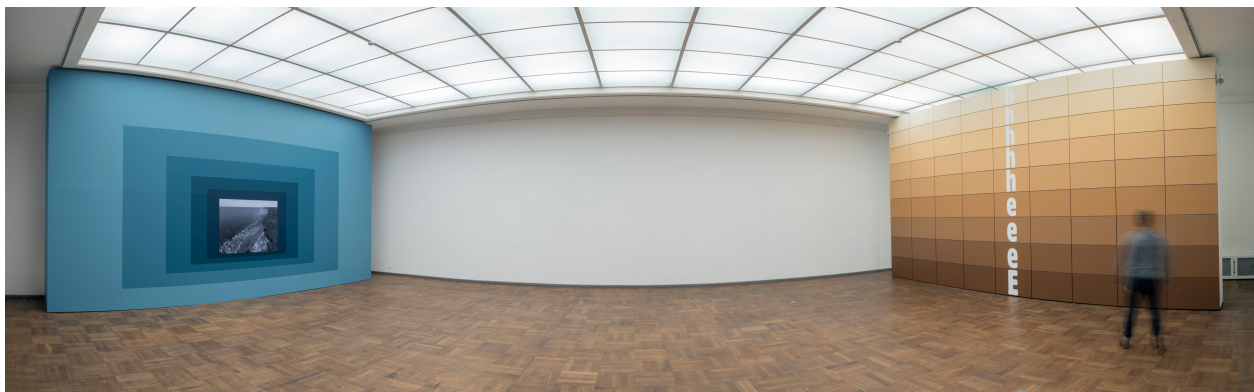
Композиция «Конец Эстонии», состоящая из целой стены картин, также заставляет остановиться и задуматься, как такое необычное в контексте выставки Оле решение может казаться таким знакомым. Перед глазами встает намного более романтическая, основанная на фольклоре работа Рауля Меэ «Üles! Üles! Mägedele» («Вверх! Вверх! В горы»), записанная в формате компьютерной графики.

Цель этих двух примеров — обратить внимание на связи между произведениями искусства, которые в скрытом виде, может быть, подсознательно присутствуют на выставке Оле, несмотря на ее название, при помощи которого происходит отсоединение от всех связей и отсылок.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ЭСТОНИИ БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Мы добрались до кульминации выставки — посвященный Эстонии зал, по-своему монументальный, даже немного праздничный. Это словно абстрактный опус или эпос, который забирает себе все пространство и не приемлет вблизи никаких малых форматов или неправильных звуков.

Если вернуться к цветовому коду, то красный, оранжевый и зеленый здесь не присутствуют. Возможно, это сигнализирует о тоске по душе, которая в ходе выживания в обществе контроля и его высмеивании куда-то испарилась. Потому что цветовой код Эстонии, согласно Оле, сдержанный — градация коричневых и холодных синих тонов. Вместо плоских поверхностей — глубокая перспектива («Начало Эстонии») и стремление к вертикальной линии («Конец Эстонии»), где темно-коричневый тон нижних рядов, поднимаясь вверх, становится все светлее и радужнее.

В каталоге выставки Тармо Йоханнес рассказывает о своем макро-произведении, которое длится больше месяца и сопровождается диптих Оле. Музыкант говорит о том, что должно дополнить визуальную часть зала Эстонии: «Каждодневная концентрация, обыгрывая мотивы этого дня, — это словно вход в молельную комнату, выполнение изо дня в день той же рутины, но в то же время пауза в спешащем вперед времени». Наверное, музыканту проще соотнести себя с душой, чем с явлениями. В своем тексте он пишет о крайне медленном дыхании при игре на флейте. И тем не менее и его музыка производится на компьютере, звучит из машины.

В рамках данной выставки Кайдо Оле сотрудничал с представителями нескольких специальностей, стараясь, что так типично для современных живописцев, избежать диалога с полотном, оставшись с ним один на один в своем ателье. Куратор Аннели Пори провела отличную работу, и ее самый яркий результат — это каталог выставки, в котором над работами Кайдо Оле размышляют представители разных профессий.